

«Фонема в речевой цепи»). Заметки издателей на полях использованных ими рукописных материалов показывают, что многое им самим было неясно и трактовалось порой произвольно; дискутировался каждый лист и создавался по взаимному согласию. Годель приводит некоторые основные выдержки из «Курса» и показывает, что Ш. Балли и А. Сешез в некоторых местах развили или изменили текст рукописей, внося в него дополнения или давая свою интерпретацию, хотя причины этих отступлений не всегда ясны (стр. 115—119). Годель дает критическое чтение некоторых отрывков из «Курса» с параллельным текстом рукописей, что позволяет выявить добавления и изменения, внесенные издателями в текст «Курса» (стр. 122—129).

Р. Годель проделал интересную и трудоемкую работу по сопоставлению всех имевшихся в его распоряжении материалов между собой и по сличению их с «Курсом», особенно тщательно проанализировав главы, в которых трактуется сущность лингвистического знака. Проведенное исследование утвердило Годеля в мысли, что многое в концепции Ф. де Соссюра остается не разъясненным (например, проблема тождества в синхронии и диахронии, соотношение ценности и значения) или спорным (толкование аналогии и этимологии); сомнения вызывает различие между языком, речью и речевой деятельностью; недостаточно раскрыто, что понимал Соссюр под механизмом языка и т. д. Свой вывод автор формулирует так (стр. 249): «Мысль Ф. де Соссюра, судя по его неизданным заметкам и записям курсов, блестящая, хотя улавливается с трудом. Она концентрируется вокруг нескольких основных положений, своего рода геометрических точек, наметивших систему линий, которые должны были в конце концов определить цельную фигуру. Но мы располагаем лишь некоторыми последовательными набросками и фрагментами этой фигуры, которые не дают возможности определить с точностью ее окончательные контуры. Даже терминология, намеренно приспособленная к целям преподавания, далека от того алгебраического выражения, которое, возможно, создал бы Соссюр, если бы он решил выразить свои идеи в книге».

Н. А. Слюсарева

T. Lehr-Splawinski, Z. Stieber. Gramatyka historyczna języka czeskiego. Część I. Wstęp. Fonetyka historyczna. Dialektologia. — Warszawa, 1957. 142 стр.

«Историческая грамматика чешского языка» известных польских лингвистов акад. Т. Лера-Сплавинского и проф. З. Штибера является научным пособием для студентов и широкого круга читателей. Этим в известной мере определяется отбор материала и его изложение, очень сжатое, почти полностью исключающее толкование различных точек зрения по тому или иному вопросу, а также значительный отсев многих конкретных фактов, не имеющих принципиального значения для характеристики

системы языка. Все это не снижает, однако, достаточно высокого научного уровня книги, ценность и полезность которой не вызывает сомнения.

Введение, а также те разделы главы «Историческая фонетика», которые посвящены праславянскому вокализму, интонации, акценту и отражению их в истории развития чешского языка, написаны акад. Лером-Сплавинским. Во введении дается общая характеристика славянских языков, определяется их место в семье индоевропейских языков, характеризуется балто-славянское языковое единство, говорится об общности и диалектных различиях праславянского языка, указываются языковые черты юго-западной славянской языковой группы (т. е. чешско-словацкой). Написано введение традиционно. Оно не содержит почти ничего нового по сравнению с предшествующими работами Лера-Сплавинского¹.

В главе «Историческая фонетика», написанной за исключением названных выше разделов З. Штибером, наиболее ценным является последовательное применение фонологического принципа как к звуковой системе современного чешского языка, так и к исторической фонетике этого языка. Для каждого наиболее значительного этапа в истории развития чешского языка автор определяет звуковую систему языка, причем фонемы (главным образом гласные) четко отграничиваются от фонетически обусловленных, комбинаторных вариантов. При этом описание звуковой системы языка того или иного периода сочетается с описанием истории развития отдельных явлений в хронологической последовательности. Так, например, автор указывает систему гласных фонем, унаследованных чешским языком от праславянского периода, затем определяет систему гласных фонем, возникшую в результате изменения звукового качества носовых и редуцированных гласных, в результате стяжения гласных и других ранних явлений чешской исторической фонетики. Далее выявляется система фонем, явившаяся результатом изменения гласных в долгом слове и в некоторых других положениях. Таким образом, автор доходит до конца XVI в., т. е. до периода стабилизации звуковой и грамматической системы чешского языка. Этим рассматриваемая книга выгодно отличается от старой традиционной чешской литературы, где нередко система языка растворялась в изложении многочисленных фактов, частных и факультативных явлений.

Хотя излагаемые в главе «Историческая фонетика» факты общеизвестны, однако метод описания, отбор материала, а в ряде случаев и его интерпретация отличаются свежестью и целенаправленностью. В отдельных случаях можно только приветствовать отход З. Штибера от традиционного

¹ Ср., например, Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Splawinski, S. Urbanczyk, Gramatyka historyczna języka polskiego, Warszawa, 1955 и другие его работы.

объяснения некоторых явлений. Это касается, прежде всего, определения звукового качества *ě* (в долгом слове оно не могло быть дифтонгом, так как дифтонг *iě* не переходил в чешском языке в краткий гласный), а также объяснения появления *j* после губных согласных в результате расщепления артикуляции мягких губных согласных, а не в результате сохранения так называемой йотации (*iě > je*).

В главе «Диалектология», написанной тоже З. Штибером, прослеживается судьба различных фонетических и морфологических явлений по чешским, ганацким, ляхским и переходным чешско-словацким говорам. За исходное берутся звуковая система чешского языка примерно XI в. (после деназализации носовых и падения редуцированных) и различные древнечешские формы, унаследованные чешским языком от праславянского периода. Затем дается деление говоров, определяются их языковые границы, указываются некоторые их фонетические и морфологические особенности. При всех положительных сторонах принимаемого автором метода изложения, при котором сначала указываются общие, определяющие отличия между говорами, затем рассматриваются частные, дробные черты, касающиеся отдельных диалектных групп, он имеет свои совершенно определенные недостатки. Во-первых, неизбежны многочисленные повторения того, что уже излагалось в главе «Историческая фонетика». Во-вторых, нарушается цельность впечатления от характеристики говора, утрачивается представление о системе говора (прежде всего звуковой).

В отличие от главы по исторической фонетике, в главе, посвященной диалектологии, ни для одного говора не приводится система гласных и согласных фонем, хотя более дробное деление чешских, ляхских и ганацких говоров основывается прежде всего на особенностях их звукового состава: принимаются во внимание количественные различия гласных (наличие долгих и кратких гласных), их состав (наличие простых звуков и дифтонгов), а также отношение долгих гласных к кратким внутри одного говора. Хотя автор довольно широко привлекает конкретный материал из известной работы акад. Б. Гавранка «Чешские наречия»², он, к сожалению, не воспользовался той характеристикой звуковой системы фонем отдельных говоров, которую дает Б. Гавранек. Однако в целом в качестве важного и ценного момента следует отметить, что З. Штибер использовал материал новейших работ по чешской и моравской диалектологии, которые не были им использованы при написании очерка диалектов западнославянских языков³. Мы имеем в виду прежде всего интересные монографии Я. Белича о дольских наречиях

в Моравии и Я. Ворача о юго-западных чешских наречиях⁴.

К сожалению, данные новейших работ используются не всегда. В результате допускаются некоторые неточности, например при определении произношения групп согласных. В частности, без всяких ссылок на произносительные нормы народно-разговорной речи указывается произношение [ose], [oše] вместо *otce*, *otče*⁵.

Из частных замечаний, которые можно было бы сделать, мы остановимся лишь на некоторых. Вряд ли можно согласиться с утверждением, что *ě* в чешском языке сохранилось без изменения. В литературном языке оно сохранилось благодаря орфографической традиции. О его изменении в *ě* свидетельствуют данные всех чешских говоров и народно-разговорной речи. При классификации согласных по месту образования наряду с губными, передне- и заднеязычными согласными постоянно указывается *j* (*i*) как неслоговой гласный, хотя в чешском языке он существует как переднеязычный согласный. В книге хотелось бы видеть хотя бы краткую характеристику важнейших чешских памятников. Список библиографии должен быть более полным.

А. Г. Широкова

М. Komárek. Historická mluvnické česká. I.—Hláskosloví. — Praha, 1958. 179 стр.

Историческая фонетика чешского языка М. Комарка является первой частью из серии выпусков по исторической грамматике чешского языка. Третья часть этого труда (Исторический синтаксис чешского языка), написанная акад. Ф. Травничком, вышла отдельным выпуском в 1956 г.⁶ В ближайшее время ожидается последний выпуск этой серии, посвященный исторической морфологии.

В центре внимания работы М. Комарка находится фонетическая система древнечешского языка XIV в. В этом отношении рассматриваемая книга значительно отличается от имеющихся пособий по исторической грамматике. По существу она является пособием по древнечешской фонетике XIV в., дополненным историческими комментариями о закономерностях развития языка предшествующей эпохи, начиная с периода диалектной дробности праславянского языка, и разделами о перспективах развития чешской фонетики в последующие эпохи (XV—XVI вв.).

Автор использовал в своей книге обширный конкретный материал, содержащийся в «Исторической грамматике» и в древне-

⁴ J. Bělič, Dolská nářečí na Moravě, Praha, 1954; J. Voráč, Česká nářečí jihozápadní, Praha, 1955.

⁵ См. об этом, например, в книге: B. Hála, Výslovnost spisovné češtiny, její zásady a pravidla, Praha, 1955, стр. 41. Назовем еще книгу: F. Daneš, B. Hála, A. Jedlička, M. Rompolt, O mluveném slově, Praha, 1954.

⁶ F. Trávníček, Historická mluvnické česká, díl III, Praha, 1956.

² B. Havránek, Nářečí česká, «Československá vlastivěda», díl III, Praha, 1934.

³ См. Z. Stieber, Zarys dialektologii języków zachodnio-słowiańskich, Warszawa, 1956.